

На следующее утро в Фаньшэ было пусто, не было даже Сы-нян. Бусань и Бусый всю суетились, принимая редких посетителей. Юань Чжань, как обычно, прогулялся с Чжан Су и вернулся в постоянный двор только после обеда. По идее, ему следовало подняться к себе, но ноги сами понесли его в сторону комнаты Са Мо — хотелось проверить, не вернулся ли тот.

Дверь оказалась приоткрыта, и Юань Чжань вошел без стука. В комнате никого не было. На кровати царил беспорядок, на столе у окна вперемешку лежали надкушенные сладости, недопитый чай и фрукты. В углу на полу высилась груда всевозможных ароматических мешочков и деревянных безделушек, а в полуоткрытом шкафу кое-как висела одежда. Каждый уголок, каждая мелочь в этой комнате дышали Са Мо. Юань Чжань замер, с интересом разглядывая этот хаос, словно любясь каким-то редким произведением искусства, и никак не мог заставить себя уйти.

Вечером на небосклоне застыл тонкий серп молодой луны. Небо было таким чистым, что не видно было ни единой звезды, лишь изредка проплывали клочья облаков. Вечерний ветерок приносил приятную прохладу.

Юань Чжань стоял на балконе, вглядываясь в простую красоту ночи. Он достал свою нефритовую флейту, и мелодичные, витиеватые звуки поплыли по ветру. Но если прислушаться, в этой музыке сквозила невыразимая печаль и глубокая тоска, и даже в такой ясный и приятный вечер невольно становилось грустно.

Когда мелодия стихла, он вдруг почувствовал чье-то присутствие. Обернувшись, он увидел Са Мо, который стоял позади. Юань Чжань просиял и, как всегда, произнес: Ты вернулся.

Са Мо подошел и встал рядом: Давно вернулся. Лег спать, но услышал твою игру, и чем больше слушал, тем меньше хотелось спать. Вот и пришел послушать до конца.

Юань Чжань знал, что Са Мо обычно засыпает, едва коснувшись подушки, и вряд ли его могла потревожить тихая флейта. Вспомнив, как тот вчера в одиночестве пил вино, он невольно забеспокоился.

Не успел он ничего сказать, как Са Мо спросил: Как называется мелодия, которую ты играл?

Юань Чжань, не сводя с него глаз, ответил: Тоска.

Очень красивая, никогда такой не слышал.

Юань Чжань подумал про себя: Конечно, не слышал, я только что сочинил её для тебя. Он слегка улыбнулся: Тебе нравится?

Са Мо кивнул, помолчал немного, а потом вдруг сказал: На самом деле, я не совсем понял её, но почему-то, чем дольше слушал, тем грустнее становилось. Не могу объяснить, это не значит,

что ты плохо играл. — Он выдавил из себя улыбку, которая вышла немного горькой.

Что случилось?

Са Мо нахмурился, глядя на молодую луну, и долго молчал, прежде чем ответить: На самом деле, я помогаю Ли Чжи раскрывать дела не только ради денег. Мне нравится сам процесс: идти по следу, распутывать нити и добираться до истины. Это невероятно захватывающе, даже не передать словами. Каждый раз, когда после всех трудностей удается докопаться до правды, я испытываю ни с чем не сравнимый восторг. Но со временем, повидав всякое, я начал чувствовать иначе.

Юань Чжань молча слушал и в нужный момент спросил: Как именно иначе?

Са Мо продолжил: Я стал бояться того самого момента, когда истина выходит наружу. Боюсь, что, как только всё станет ясно, последствия окажутся невыносимыми.

Юань Чжань смутно понимал, о чем тот говорит: В этом мире между черным и белым, добром и злом всегда переплетено столько вынужденных обстоятельств и безвыходных ситуаций.

Са Мо слабо улыбнулся: Вот именно. Поэтому иногда я сомневаюсь: а не совершаю ли я ошибку, раскрывая правду? Убитые, может, и заслуживали смерти, а убийцы имели на то веские причины. Если мы следуем принципу око за око, не становимся ли мы в какой-то мере соучастниками преступления?

Юань Чжань беспомощно нахмурился: А если ты не раскроешь правду, разве не станешь соучастником другого преступления? В чем разница?

Са Мо задумчиво посмотрел на Юань Чжана и лишь спустя долгое время произнес: Пожалуй, ты прав. Я даже забыл, на чьей стороне должен стоять. Я не должен принимать ничью сторону.

В этот раз дело было таким же?

Са Мо вздохнул: Ага. Дело раскрыли, а радости ни у кого нет, тоска смертная. Когда убийца говорит, что не считает себя виноватым и ни о чем не жалеет, становится по-настоящему тяжело.

Глядя на лицо Са Мо, которое стало еще серьезнее, чем когда он размышлял над делами, Юань Чжань заметил: Никогда бы не подумал, что ты такой эмоциональный. — В его глазах читались нескрываемое удивление и восхищение.

Са Мо слегка улыбнулся: Я ведь не камень, просто не привык выставлять свои чувства напоказ.

Юань Чжань почувствовал, как внутри что-то дрогнуло: Тогда почему ты открываешься мне?

Са Мо ответил с обезоруживающей искренностью: Не знаю. Просто рядом с тобой я чувствую себя спокойно, а когда на душе спокойно, хочется говорить искренне.

Сердце Юань Чжаня забилось сильнее, он с надеждой спросил: Ты хочешь сказать, что доверяешь мне?

Са Мо продолжал смотреть на него: Да. — И добавил: Я не так легко доверяю посторонним.

Услышав, что его снова называли посторонним, Юань Чжань не почувствовал ни капли обиды. Напротив, он был счастлив: доверие Са Мо, судя по всему, уже превосходило доверие к тем, с кем тот был знаком много лет. Он внезапно ощутил глубокое удовлетворение.

Не зря я с тобой побратался.

Юань Чжань слегка напрягся и невольно брякнул: Девушке Шуанье очень повезло.

Са Мо был явно ошарашен таким странным замечанием и уставился на него с недоумением: О чем ты?

Юань Чжань взял себя в руки: Я говорю, что Шуанье очень счастлива, раз её так балует и бережет такой человек, как ты.

Когда до Са Мо дошел смысл его слов, недоумение сменилось тревогой: Даже ты считаешь, что я слишком её балую? Ну всё, пропал я.

Что значит пропал?

Са Мо принялся вздыхать: Я переживаю! Все мне это говорят. Мол, если так пойдет и дальше, Шуанье никто замуж не возьмет.

Юань Чжань удивился и, не задумываясь, выпалил: Разве она не с тобой?

Са Мо опешил, а потом рассмеялся: Ты что, решил, что мы пара, и я её муж?

Разве нет? — Юань Чжань почувствовал необъяснимое волнение.

Са Мо с любопытством спросил: А почему ты решил, что мы пара?

Юань Чжань подумал: Так это же очевидно, я не слепой. Он перечислил все свои наблюдения и объяснил: В Центральных землях правила приличия между мужчиной и женщиной существуют с древних времен. Даже родные брат и сестра, повзрослев, не ведут себя так близко, не говоря уже о посторонних. Даже законные супруги не позволяют себе такой близости на людях.

Са Мо слушал и посмеивался, бормоча: Забавно, забавно. Когда Юань Чжань закончил, он сказал: Я знаю об этих правилах. В Западных землях хоть и не так строго, но суть та же. Просто мы привыкли так общаться, никто из нас не придает значения этим условностям. Мы люди вольные, как дети: что хотим, то и делаем, никаких понятий о запретах между полами. Если следовать твоей логике, то, увидев, как Шуанье в анатомичке расправляется с Саньпао, ты бы решил, что они пара? А Сы-нян? Когда она меня отчитывает, она как мать родная, вовсе не считает меня взрослым мужчиной. Так что твои подозрения вполне естественны.

Юань Чжань слушал, разинув рот, но на душе у него стало невообразимо легко. Он рассмеялся, качая головой: Сколько же недоразумений ты вокруг себя создаешь!

Много? А в чем еще я тебя ввел в заблуждение?

Юань Чжань замялся: Просто я никогда не встречал таких людей, как ты, вот и не привык.

Са Мо отнесся к этому с пониманием: Не только ты, такой знатный господин, многие не привыкли к моему стилю. Но мне все равно, я такой, какой есть, и мне так комфортнее всего.

Именно это я в тебе и ценю больше всего.

Са Мо просиял: Правда? У тебя отличный вкус. Остальным это как раз больше всего и не нравится. Мы точно родственные души!

Они переглянулись и рассмеялись. Оба чувствовали, что сейчас между ними возникло полное взаимопонимание, и беседа шла легко и приятно.

Юань Чжань вдруг спохватился: Так ты переживаешь, что Шуанье не выйдет замуж? Значит, всё-таки очень её бережешь.

Са Мо ответил как нечто само собой разумеющееся: Конечно! Она мне как родная сестра, хоть мы и не кровные родственники. Если я не буду её беречь, то кто?

Юань Чжань удивленно переспросил: Как родная сестра?

Са Мо объяснил: Семья Шуанье — известные в здешних краях судебные медики, девять поколений этим занимались. Мой приемный отец был родным братом её отца. В детстве она от меня не отлипала, считай, выросла у меня на спине. В её поколении она единственная девочка, старшие рано ушли, вот она и взяла нож в руки. Она правда любит это дело, при виде трупа у

неё глаза светятся ярче, чем при встрече с родителями. Эти анатомические препараты — её сокровища, она с кем угодно поссорится, если их испортят, даже со мной. Вот недавно я случайно съел дикого фазана, которого она принесла для опытов, так она взбесилась! Требовала возмещения, я еле-еле её успокоил. Ну и скажи, какой мужчина к ней подойдет? Она их всех распугает! Как старший брат, я не могу не волноваться.

Юань Чжань слушал с изумлением. Он никогда не встречал таких женщин: сначала Сы-нян, теперь Шуанье. Прав был Саньпао, это поистине редкие женщины! Видя, как Са Мо переживает, он утешил его: Не обязательно. Она такая умная и милая, наверняка найдется кто-то, кто оценит её характер и смелость.

Глаза Са Мо загорелись: Ты считаешь её умной и милой, ценишь её смелость и характер? Ты что, влюбился в неё?

Юань Чжань от неожиданности поперхнулся: Ты так хочешь, чтобы я в неё влюбился?

Са Мо тут же ответил: Конечно! — И, не дожидаясь вопроса, пояснил: Если бы у меня был такой богатый зять, я бы до конца жизни ни о чем не беспокоился.

Юань Чжань лишился дара речи и неловко рассмеялся.

Са Мо посмотрел на него сияющими глазами: Тогда мы стали бы настоящей семьей и могли бы всегда жить вместе.

Сердце Юань Чжана дрогнуло от радости: Ты хочешь всегда жить со мной?

Са Мо искренне ответил: А ты не хочешь? Нам же сейчас так хорошо вместе. Конечно, хочется жить с тем, с кем тебе приятно.

Юань Чжань не мог скрыть своего счастья: Да, да, нам очень хорошо вместе.

Са Мо подался вперед: Так ты всё-таки любишь Шуанье?

Юань Чжань онемел, а затем твердо произнес: Нет.

Са Мо разочарованно вздохнул: Значит, всё-таки она тебя напугала.

Юань Чжань постарался успокоиться и мягко сказал: Обязательно найдется тот, кто разглядит её достоинства, не переживай так сильно.

Са Мо вздохнул и протянул: Да, найдется. На самом деле был один человек. Он не испугался, а

наоборот, восхищался ею. Он был врачом, они прекрасно понимали друг друга, он даже помогал ей проводить вскрытия. Они были отличной парой.

Где же он сейчас?

Ввязался в одно дело и погиб.

Юань Чжань утешил его: Ты наверняка добился для него справедливости, Шуанье всё поймет.

Са Мо горько усмехнулся: Это он и был тем самым преступником. Я его поймал.

Юань Чжань застыл, не зная, что сказать.

Са Мо продолжил: На самом деле он был хорошим человеком: добрым, мягким, умным, ответственным. У него была мечта — открыть бесплатную лечебницу для бедняков. Он пошел на преступление из-за безвыходности. Иногда я думаю: если бы я не был таким самонадеянным и не решил, что он сблизился с Шуанье, чтобы выведать ход расследования... Если бы я раньше поверил, что он действительно любит её...

Са Мо не мог скрыть печали.

Юань Чжань спросил: Что бы ты сделал?

Я бы не стал его разоблачать.

Правда?

Са Мо твердо кивнул: Да. Потому что Шуанье тоже любила его. Я видел, как она плакала на его могиле. Знаешь, я впервые видел, чтобы она так убивалась. К сожалению, я понял это слишком поздно. С тех пор она больше не плакала, ведет себя так, будто ничего не случилось. Но человек не может только смеяться, не умея плакать. Это неправильно.

Слушая это, Юань Чжань смотрел на печальное лицо Са Мо и думал: А разве не такой же ты сам? Только смеешься, а плакать не умеешь. Почему-то вспомнилось, с какой легкостью тот рассказывал о своей жизни. Разве может человек действительно не знать печали? Разве может кто-то полностью забыть боль и страдания и просто жить, радуясь? Кто знает, сколько невыразимых мук скрывается за его беззаботной внешностью? Юань Чжань смотрел на него с бесконечной жалостью и нежностью.

Са Мо заметил, что Юань Чжань пристально разглядывает его. Этот взгляд вызывал в нем странное чувство, от которого голова начинала плохо соображать. Он улыбнулся: Что? Почему ты так смотришь? Не узнаешь?

Юань Чжань отвел взгляд и спокойно сказал: Оказывается, в тебе живут двое: вечно юный ребенок и старик, умудренный жизненным опытом.

Эти слова ударили Са Мо прямо в сердце. Этот человек понимал его! Понимал его жажду жить просто и беззаботно, как ребенок, и видел его сердце, уже состарившееся от груза ответственности и тягот прошлого. Если не пройдешь через страдания, подобные перерождению, как можно так отчаянно жаждать детской простоты? Он старался жить как ребенок, чтобы спрятать в самых дальних уголках души всё то, что, подобно морщинам на лице старика, вызывает лишь тоску и страх. Но этот человек, с которым он познакомился совсем недавно, видел всё как на ладони.

Са Мо скрыл свое волнение и, как обычно, с напускным высокомерием усмехнулся: А у тебя острый глаз.

Это ты меня постоянно удивляешь.

Са Мо серьезно посмотрел на него, но голос остался прежним: Кто сказал, что если человек веселится, то не может глубоко страдать? Кто сказал, что если человек верен долгу, то не может быть беззаботным? Мой принцип всегда был таков: печалиться, когда нужно, и брать на себя заботы, когда нужно, но это не должно мешать радоваться жизни. В жизни много вкусов: печаль отдельно, радость отдельно. Не смешивать их — вот мудрость. — Он говорил серьезно и искренне, впервые открыто делаясь своим жизненным кредо. Это был не просто вывод, к которому он пришел через долгие раздумья, это было его оружие — самое мощное оружие, которое помогало ему спокойно жить дальше.

Юань Чжань был глубоко потрясен. Он понимал, что такие мысли приходят не просто после жизненных невзгод, для этого нужно иметь невероятно сильное и чистое сердце. Что же ему пришлось пережить? Как он научился так мудро жить? Неужели это дар свыше? Чья жизнь не была полна трудностей, разочарований и боли? Большинство людей ломаются, теряют надежду, их сердца быстро стареют. Разве Юань Чжань не такой же? Если бы он не был разочарован до предела, стал бы он просто бежать? Он был таким же глупым, как и все, не умея разделять радость и печаль. Как же это несправедливо.

У Юань Чжана даже глаза заслезились, но он нежно улыбнулся: Вот именно в этом большинство людей и глупы.

Са Мо посмотрел на него, и по его телу разлилось тепло. Этот человек действительно всё понимал, каждое слово, каждый смысл. Его дерзкая улыбка стала мягче, хотя голос остался прежним: Похоже, у тебя еще есть шанс на спасение.

Юань Чжань подавил желание крепко обнять его и лишь многозначительно произнес: Мне нужно, чтобы ты меня спас.

Са Мо не остался в долгу: Так я этим как раз и занимаюсь. — Они переглянулись и рассмеялись. В их глазах отражались все секреты, которые они никогда никому не открывали.

Са Мо почувствовал, как участилось сердцебиение, а щеки стали горячими, и инстинктивно отвел взгляд. В глазах Юань Чжана, помимо взаимопонимания, читался жар, который Са Мо не до конца понимал, но постоянно ощущал. Сейчас этот жар стал особенно сильным, казалось, еще немного — и он растает под этим взглядом. Но ему не хотелось отводить глаза, он странным образом жаждал смотреть на Юань Чжана, словно в этом жаре скрывалась прохлада, подобная свету звезд, дарующая покой среди огненного хаоса. Осознав, что это желание становится всё сильнее, он испугался — такого с ним еще не было.

Са Мо отвел взгляд, посмотрел в комнату и, потянувшись, сказал: Разговорились мы, пить захотелось.

Юань Чжань пригласил его войти: Заходи, выпьем чаю.

У стола Са Мо разлил чай по чашкам, протянул одну Юань Чжаню и бодро сказал: Вместо вина — чай, за наш чудесный вечер на балконе!

Юань Чжань понимающе улыбнулся и выпил залпом. После чаепития они снова переглянулись, и Са Мо поспешно отвел взгляд, наткнувшись на книгу на столе. Он взял её, полистал: Эй, ты читаешь такие книги?

Это была книга о развитии доспехов, оружия и осадных орудий. Юань Чжань спросил: Что, что-то не так?

Нет, просто думал, что такой человек, как ты, должен читать классику или стихи.

Я читаю и их, давным-давно всё выучил, а сейчас вот тянет на всякие диковинки.

Са Мо кивнул с интересом: На самом деле я тоже не такой уж невежда, многим интересуюсь, просто не люблю читать глазами. Я всё лучше запоминаю на слух. Вот если бы кто-то читал мне вслух, как сказитель, было бы здорово. Жаль, что сказители всё время рассказывают одни и те же скучные истории.

Это проще простого. Я буду читать тебе, мне всё равно нужно заниматься каждый день. Буду читать вслух, два дела сразу. Что хочешь послушать?

Са Мо был приятно удивлен и быстро протянул ему книгу: Давай эту.

Юань Чжань открыл первую страницу и начал читать слово за словом. Са Мо сидел напротив, положив руки на стол, и слушал с огромным интересом, время от времени задавая вопросы. Юань Чжань терпеливо объяснял и продолжал чтение. Са Мо довольно кивал, что-то бормоча себе под нос, а иногда, отвлекаясь, думал: У А-Чжана такой приятный голос, когда он читает.

Через некоторое время Юань Чжань заметил, что слушатель притих. Он опустил книгу и

увидел, что Са Мо уснул, положив голову на стол. За окном уже глубокая ночь. Они и не заметили, как заговорились до такой поздней поры. Юань Чжань подошел к нему и легонько потряс: Са Мо, если хочешь спать, ложись на кровать, здесь простудишься.

Са Мо сонно приоткрыл глаза, Юань Чжань помог ему лечь на кровать, и тот, едва коснувшись подушки, тут же захрапел.

Юань Чжань снял только верхнюю одежду и лег рядом. На душе было необычайно спокойно, никакой мучительной борьбы, как в прошлый раз. Этот долгий ночной разговор позволил ему заглянуть в душу Са Мо и обнаружить там столько сокровенного — в том числе и себя самого. Он был в этом уверен. Глядя на спящее лицо Са Мо, он про себя поклялся: Са Мо, придет день, и я дам тебе понять, что у меня на сердце.

Вспоминая смущенный взгляд Са Мо, Юань Чжань с удовлетворением закрыл глаза.

<http://bllate.org/book/19379/1895092>